

кого мастерства. Наконец, следует отметить, что в появившихся за рубежом СССР отдельных сочинениях или в статьях «по поводу» встречаются любопытные зарисовки внешнего портрета или штрихи духовного облика Эренбурга-человека, друга, собеседника, гостеприимного хозяина, оппонента-трибуна¹. На этих страницах, а их немало, перед нами вырисовывается фигура подвижного человека, с лицом до времени постаревшим, но с искорками вечной молодости в глазах, портрет собеседника то веселого, то ироничного, но неизменно излучавшего волны живой, глубокой, выстраданной нелегкой жизнью и кропотливым трудом мысли.

В широкие координаты европейской критической мысли, лишь в самых общих чертах намеченные нами, естественно вписывается и складывавшееся на протяжении десятилетий представление румынской общественности о видном советском литераторе.

Проникновение Эренбурга в нашу страну, знакомство румынского читателя с его сочинениями происходит, по всей вероятности, еще в конце 20-х годов через посредство французских, немецких и венгерских переводов его произведений². Наше предположение основывается на следующем. В 1928 году в шестом номере журнала „Когунк“³ публикуется под названием *Трубка* Е.Х. один рассказ из *Тринадцати трубок*, а еще раньше, в майском номере того же журнала за 1926 год, в статье Сомы Брауна *Новый русский роман*, уже упоминается имя Эренбурга. В серии „Lectura, floarea literaturilor străine“, изд. „Adevărul“, Бухарест, в 1929 году вышло в переводе Е. Маргита эренбурговское сочинение *Dragostea e furtună*, а в переводе Мирона Савина, через год, там же увидела свет *Трубка коммунара*. Первые рецензии на очерки Эренбурга в „Viața Românească“⁴ написаны на основании немецких переводов. А как известно, *Визе времени* и *Рождению автомобиля* предшествовали другие переводы на немецкий (*Хулио Хуренито*, *Тринадцать трубок*), по всей вероятности, уже в конце двадцатых годов циркулировавшие в определенных кругах интеллигенции нашей страны.

Для подтверждения нашей гипотезы сошлемся на статью С. Иосифеску⁵, в которой упоминаются эренбурговские сочинения 20-х годов, например, *Хулио Хуренито*, как вещь хорошо известная, а ведь роман переводился на французский язык еще в 1924 году (вариант, доступный критике) и вряд ли попал

¹ См. Нино Франк, *Memoire brisée*; Арман Лану, упомянутая статья; некрологи Эльзы Триоле и Луи Арагона в „Les lettres françaises“, 6—13 сентября 1967; интервью 1945 г. Иона Витнера и 1966 г. Тома Джордже Майореску; интервью, опубликованное в «Плэмя», № 10, 1967.

² Джо Шербан в статье *Gorki, Maiakovski, Ehrenburg și primele lor mesaje la noi*, „Viața Românească“, № 10, 1956, а также Татьяна Николеску в статье *I. Ehrenburg*, „Viața Românească“ № 10, 1967, полагают, что знакомство произошло только в четвертом десятилетии.

³ Общественно-политический и литературно-художественный журнал левой политической ориентации, выходивший в Клузе на венгерском языке и имевший под редакцией в Югославии и Чехословакии.

⁴ Паул Зарифопол, *Un rus în călătorie*, „Viața Românească“, XXII (1930), nr. 1—3.; Паул Зарифопол, *I. Ehrenburg — Das Leben der Autos*, „Viața Românească“, XXIII (1931), nr. 4.

⁵ С. Иосифеску, *Ilya Ehrenburg și sensul literaturii noi*, „Era nouă“, I. 1936, nr. 2.